
По
праву
смерти
18+
Юлия Сидорова

Юлия Александровна Сидорова

По праву смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72529594
SelfPub; 2025

Аннотация

В глухой деревушке уже восемнадцать с половиной лет никто не умирал. По крайней мере, так журналистке Еве говорит участковый. А ещё он убеждает её, что пропавшие накануне пять девушек – чистое недоразумение. Как с этим связано кровавое массовое убийство, случившееся много лет назад? Почему Еве начинает казаться, что её преследуют? Ответы на все вопросы знает женщина в чёрном платье. Вот только правда может оказаться слишком горькой.

Содержание

Ева	5
Алиса	11
Ева	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юлия Сидорова
По праву смерти

Пустые глазницы уставились Еве в спину. Она не могла видеть, но всё же чувствовала этот враждебный слепой взгляд. Кто-то (или что-то?) наблюдало за ней. Волосы на затылке стояли дыбом, она отёрла о джинсы потные ладони и, наощупь ступая в темноте, принялась искать выход. Сколько это продолжалось? Ей казалось – целую вечность и ещё несколько мучительных минут. Вдруг пальцы ног нащупали холодный твёрдый предмет. Ева не решалась идти дальше. Включить фонарик – значит, выдать себя. Тот, кто прячется во мраке, непременно её схватит. Капли влаги уже струились по лицу, глаза щипало. Бесшумно, кончиками пальцев, она нащупала в кармане телефон. Выбора нет. Ещё секунда – густую ночь пронзил луч белого света.

У неё не осталось сил, чтобы закричать. Рот исказился в судороге, тело оцепенело. Ноги Евы упёрлись в горку причудливо сложенных тел. Изуродованных тел. Кровавые символы на лбу, ноги и руки, согнутые под неестественными углами… Он приближался к ней. Сейчас он её схватит. Голосовые связки наконец-то поддались, и она закричала. Чужим, не своим голосом. Голосом бездыханных тел.

Ева подскочила на кровати. За окном едва светало. Её подушка была мокрой от пота.

Ева

Из крючковатого носа участкового торчали рыжие волоски. Я не могла толком вникнуть в то, что он говорил – эта треклятая растительность жутко отвлекала. Знаете, как бывает: у человека на лице примостилась какая-нибудь малопривлекательная бородавка, и ты весь разговор старательно делаешь вид, что не обращаешь на неё внимание. По итогу из беседы в голове откладывается только: «Не вздумай смотреть на бородавку!»

– Как вы сказали? Больше восемнадцати лет никто не умирал? – до меня начал доходить смысл сказанных мужчиной слов.

И дёрнул же меня чёрт устроиться на практику в районную газету! «Это лучшая школа для журналиста» – твердили преподаватели. А я и послушала. Дура. Сейчас мои однокурсники сидели в прохладных городских редакциях с кондиционерами, кулерами и прочими наворотами, вечерами забуривались в какой-нибудь клуб и до тошноты напивались – всё как положено студентам после первого курса.

– Восемнадцать лет и чуть больше трёх месяцев, – уточнил участковый и горделиво приосанился, словно речь шла о его личной заслуге.

Меня отправили на задание, кажется, в самую захудалую деревушку, отделённую от остального мира полями, рекой,

согрой и лесом – для надёжности. Самая натуральная дыра. Повод поначалу показался примечательным: в этой богом забытой деревне одна за другой пропали пять молодых девушек. Мои ровесницы. Практикантов на такие громкие дела обычно не отправляют, но все остальные сотрудники или ушли в отпуск, или тяпали огород, или были заняты ещё не пойми чем. Собственно, в штате и было-то не больше пяти человек. Главный редактор обречённо ткнул в меня пальцем на планёрке и я, радостная (ну хоть что-то интересное!), в припрыжку умчала на автобусную остановку. Полтора часа в душной развалюхе поубавили энтузиазма, а последующие события окончательно свели на «нет» надежды устроить приличное журналистское расследование.

Со слов участкового выходило, что девушки сами разбрелись, кто куда: уехали к подругам, пошли собирать травы в лесу и, вероятно, потерялись… «Поисковые работы, конечно, ведутся, но причин для паники нет» – ободряюще заключал представитель правопорядка. На мой закономерный вопрос – не рассматривает ли следствие версию серийных похищений маньяком – мужчина добродушно рассмеялся. «Сразу видно, что вы городская. Это у вас в городах одни маньяки да насильники. У нас всё тихо и мирно. Никаких тяжких, только мелкие кражи да разбойничество, и то нечасто. Вон, почитай, восемнадцать лет уже кладбище пустует, никто не помирает».

– Это официальная статистика? – верить ему на слово я,

конечно же, не собиралась. Как только вернусь в редакцию, сразу же запрошу информацию.

– Ну а то ж! Из первых уст, так сказать! – по-прежнему нарочито бодро отрапортовал участковый.

Похоже, он держит меня за дурочку. Ни одной смерти за восемнадцать с лишним лет? Мы что, внезапно переместились в фантастический фильм с временной петлёй в центре сюжета? Если это так, актёрская игра участкового сильно хромает. Его показное дружелюбие и бодрость не внушают доверия.

– Разве в вашей деревне нет стариков, больных?

И потом, насколько я знаю, в маленьких деревушках истории из серии «придавило трактором» и «упахался насмерть» – не редкость. С чего это вдруг тут должно быть по-другому?

– Отчего ж, полно! Живут, глаза мозолят. Тошно уже! – притворно пожаловался мужчина и подмигнул. Но глаза его не улыбались. Что-то такое было в его взгляде, отчего хотелось немедленно выключить диктофон, вежливо попрощаться, сесть на автобус и уехать куда угодно, лишь бы подальше от него и этого взгляда.

Но уезжать было некуда, вернее – не на чем. Как и полагается отрезанным от остального мира деревушкам, связь с цивилизацией здесь обеспечивал дряхленький автобус, курсирующий от одного села к другому с периодичностью в шесть часов. А значит, ещё как минимум четыре часа мне

предстоит наслаждаться местными живописными ландшафтами. Тут мне неожиданно пришла в голову гениальная идея, как отделаться от общества подозрительно оптимистичного участкового с глазами зверя, а заодно проверить правдивость его сладких речей.

– Я могу поговорить с кем-то из родственников или друзей пропавших девушек? Например, последней. Кажется, её зовут Алиса?

– Пожалуйста! – участковый чуть ли не подпрыгнул от восторга. – Я вас подвезу. Мать девушки устроит? Впрочем, вряд ли она скажет вам что-то новое. Алиса очень любит пешие походы, летом она часто выбирается на природу. Её поиски – вопрос времени…

«Конечно, конечно, продолжай заговаривать мне зубы. Мать пропавшего ребёнка вряд ли разделяет твой оптимизм» – мысленно злорадствовала я.

Сельскую дорогу с двух сторон ограждали ряды стройных домиков. Вполне приличных и опрятных. Я бы даже сказала – чересчур. Как будто их жители ежедневно проводили генеральную уборку не только внутри, но и снаружи, затирая Пемолюксом каждый квадратный сантиметр фасада.

Поток мыслей резко прервала серая тень, метнувшаяся со стороны идеально чистой ограды. У меня перехватило дыхание. Похоже, под колеса машины бросилось животное. Мы переехали кошку!

– Остановитесь! – перешла на крик я, видя безмятежное

лицо участкового.

Он определённо не разделял моего беспокойства.

– Пожалуйста, – мужчина притормозил, сурово глядя исподлобья. До меня не сразу дошло, что кричать на участкового – так себе идея. Даже если он старательно изображает мистера приветливость, он всё равно остаётся участковым.

Я судорожно оглянулась, приготовившись увидеть окровавленный след скоропостижно скончавшегося зверя. Но этого не случилось. На месте происшествия преспокойно сидел толстый серый котяра. И смотрел прямо на меня. В его взгляде читалось: «А чего ты ожидала?»

Но как же так? Я ведь своими глазами видела, как толстяк скользнул под машину! Мне казалось, что я слышала хруст переломившихся костей, что левое колесо подскочило, наткнувшись на препятствие.

– Наверное, проскочил между колесами. Везунчик! – как ни в чём ни бывало пожал плечами участковый и снова нажал на газ.

«Всё хорошо, – подбадривала себя я, – кот, очевидно, в полном порядке». Но нервная система отказывалась подчиняться. По спине пробежал неприятный холодок. Теперь неестественно чистые домики навевали непонятную тревогу. До жути осмысленный взгляд кота, холодные глаза участкового, это место, вся эта деревушка… с ними что-то не так. Я поежилась, глядя на раскалённое солнце, бившее в лобовое стекло.

А чего ты ожидала?

Алиса

Говорят, люди чувствуют приближение смерти. Я ощущала её дыхание с тех пор, как себя помню.

В честь моего семилетия мама испекла большой морковный пирог с творожным кремом. В нашем доме не ели сладкого – мама всегда говорила, что моё тело должно быть «чистым». Поэтому вместо шоколадного именинного торта с разноцветными кремовыми пиками я довольствовалась тем, что есть. Помню то утро. Вместе с пирогом, напичканным свечами, мама принесла в кровать «добрые вести». Так она сказала. Моя жизнь не принадлежит мне. Мне дали её взаймы, попользоваться на время. Наступит день, и долг нужно будет отдать. Кажется, в тот момент я заплакала. «Не надо, милая, – мама утёрла мои слёзы краешком рукава своего халата, – Скоро ты поймёшь, что это великая честь. Я горжусь тобой». По её голосу и выражению лица я поняла, что она врёт. Это не честь и не гордость. Это проклятие. И мама отлично это знала.

Ещё говорят, дети быстро ко всему адаптируются. Что ж, это правда. Через несколько месяцев ночных кошмаров, в которых невидимое нечто высасывало мою душу через тонкую длинную трубочку, похожую на те, из которых счастливые дети в фильмах потягивают молочные коктейли, я приняла свою участь как данность и свой девятый день рожде-

ния встречала уже без слёз, на ярмарке. В летние выходные мы с мамой выезжали в районный центр и продавали травяные сборы. Это был наш главный источник дохода. Мать подрабатывала поварихой, а заодно и уборщицей в школе. Летом, когда школа закрывалась, мы усиленно заготавливали травы, чтобы подзаработать. Ещё у нас были три коровы, и мы сдавали молоко. Меня удивляло, что другие дети совсем не беспокоятся о том, на что будут покупать одежду к новому учебному году. Родители не посвящали их в свои финансовые проблемы. В нашей семье было по-другому. Наверное, потому что отец с нами не жил. Я ничего о нём не знала, кроме того, что он бросил нас почти сразу после того, как я родилась. Не хотелось думать, что я стала причиной их с мамой расставания, но других причин я придумать не могла.

Женщину в длинном чёрном платье я заметила издалека. Прилавки с шатрами стояли широким полукругом, и эта пожилая дама прогуливалась по противоположной стороне, время от времени останавливаясь у прилавков и заводя беседу с торговцами. Она сразу показалась мне интересной, не такой, как все. В первую очередь потому, что я никогда не видела таких длинных платьев – его подол волочился по земле. Не очень-то практичный выбор, если собираешься на деревенскую ярмарку. Наблюдая за женщиной и выдавая сдачу редким покупателям, я потихоньку умирала со скуки. Хорошенький день рождения, ничего не скажешь!

Я уже хотела пожаловаться маме, что у меня болит голова

и спросить, не могу ли я отлучиться в магазин, чтобы купить нам что-нибудь перекусить. В глубине души я надеялась отхватить бутылочку колы. Мама не разрешала её пить, говорила, что это вредно и в ней много сахара. Но разве девятый день рождения – не повод нарушить хоть какое-нибудь правило? Тут я заметила в мамином взгляде отчаяние. Её даже потряхивало. Для ребёнка это всегда страшно: видеть, как большой и сильный взрослый боится. «Не переживай, мамочка, мы обязательно продадим всё, что привезли» – попыталась успокоить её я, но мама продолжала нервно подрагивать. Я подумала, что у неё припадок, что-то вроде той болезни, когда люди падают на пол и начинают неестественно дёргаться. «Я позову на помощь!» – я соскочила со своего места, но мама схватила меня за руку. «Всё в порядке», – сказала она тихо, но страх продолжал плясать в её сине-зелёных глазах, они бегали из стороны в сторону. Неожиданно мама выпалила:

– Нам нужно уехать. Прямо сейчас. Срочно!

– Но как же чай? – я непонимающе уставилась на прилавок, полный мешочков и бумажных пакетов.

– Это всё неважно, – мама пошарила в карманах платья и достала толстый кошелёк. Обычно она не брала с собой так много денег, даже в дни ярмарок.

Внезапно до меня дошло, что она задумала. Мама хочет бежать. Она боится и надеется спасти меня бегством. Тогда я взяла её за руку. Понятия не имею, откуда во мне, девяти-

летнем ребёнке, было столько осознанности. Наверное, я и правда избранная.

– Не надо, мамочка. Всё будет хорошо, я ничего не боюсь.

В её глазах стояли слёзы. Одной рукой мама продолжала сжимать кошелёк, будто искала в нём поддержки. Рядом с прилавком раздался голос. Спокойный и в то же время требовательный.

– Милое дитя, могу я поговорить с тобой?

Это была пожилая дама в чёрном платье. Остатки маминой решимости угасли, плечи опустились. Тогда я поняла, что эта женщина появилась на ярмарке неслучайно. Она преследовала определённую цель, и этой целью была я.

Виктория – так её звали – не сразу открыла мне, что она мой наставник и проводник. В тот день она просто интересовалась, как мы живём, что я ем, чем занимаюсь в свободное время и рассказывала ли мне моя мать, что я особенная. Избранная. А потом выкупила у нас едва ли не весь прилавок с травами. Я была в восторге: нечасто встретишь взрослого, который так живо интересуется твоей ничем непримечательной детской жизнью. Тем более *такого* взрослого: дама казалась утончённой, возвышенной и очень красивой. Мне пришлось заставлять себя отвести взгляд от её причёски с затейливо переплетёнными косами.

С тех пор Виктория регулярно наведывалась к нам домой: оказалось, она жила совсем рядом. Не понимаю, почему я не видела её раньше. Иногда она подолгу о чём-то беседовала с

моей матерью, но чаще звала меня на прогулку в сад и рассказывала истории, которые поначалу казались мне простыми сказками. О дэвах и асурах, взбивавших молочный океан, чтобы получить нектар бессмертия. О хитреце Раху, разделившимся на две бессмертные части. О том, что Раху готов поделиться своим бессмертием, но нужно знать, как его задобрить. Смысл этих «сказок» дошёл до меня не сразу, а когда дошёл, всё показалось мне логичным и естественным. Виктория позаботилась о том, чтобы у меня не осталось вопросов, страха и сомнений.

И всё же в тот день в лесу я испугалась. Мать отправила меня собирать листья земляники. Я не сразу заметила, что вслед за мной в густую чащу бесшумно скользнул мужской силуэт. Когда же боковым зрением я отметила едва уловимое движение позади, всё тело будто бы кольнуло тонкими иголками и к груди подкатило безотчётное желание убежать. Я ускорила шаг, делая вид, что выбираю поляну посимпатичнее. Тот, кто преследовал меня, не отставал. Или мне только так казалось? Я готова была поверить, что за спиной никого нет, что у меня просто разыгралось воображение, но духу, чтобы повернуться и проверить это, не было. И тут я услышала его: хруст сухой ветки в нескольких шагах. Преследователь выдал себя. Притворяться больше не имело смысла. Я побежала, не разбирая дороги. На секунду мне пришло в голову, что кто-то из друзей решил меня разыграть. Но они не стали бы заходить так далеко в лес. Они давно бы рассме-

ялись и окликнули меня. Сомнений не оставалось: за мной пришли. А я не хотела уходить. В тот самый момент я поняла, что не хочу быть избранной. Я не хочу умирать.

Я резко остановилась и развернулась, чтобы посмотреть преследователю прямо в глаза. Сказать всё, что я о нём думаю. Но смотреть в глаза было некому. Лес был всё такой же тихий, спокойный и причудливо тенистый. Где же ты прячешься? Я знаю, что ты здесь. В отчаянии я выкрикнула:

– Я никуда с вами не пойду! Я не хочу! Оставьте меня!

И тут я поняла, что проиграла. Проиграла ещё в тот день, когда появилась на свет восемнадцать с половиной лет назад. Ноги подкосились. Чья-то тяжёлая рука опустилась мне на плечо.

Ева

Я слышала, что люди в критических ситуациях часто отказываются признавать очевидное. Они абстрагируются, чтобы горе не раздавило их, и делают вид, что ничего чрезвычайного не случилось. Срабатывает защитный механизм психики.

Однако мама пропавшей восемнадцатилетней девушки не была похожа на человека, который не может принять свалившееся на голову несчастье. Скорее, наоборот: она выглядела и вела себя как человек, полностью осознававший, что произошло, и не испытывающий ровно никакого беспокойства по этому поводу. Полное принятие. Мне отчаянно захотелось схватить её за плечи и хорошенько потрясти, чтобы вызвать хоть какие-то эмоции. Алло, у вас пропала дочь! А перед ней – ещё четыре девушки. Неужели это кажется вам нормальным?!

– Алисе прекрасно даются травяные сборы. Лучше, чем мне. Наверное, с этим даром нужно родиться. Если хотите, заварю вам чашечку её успокаивающего чая. Уверена, вы оцените.

Мы стояли в комнате пропавшей Алисы. Её мать, Елена, беспрестанно тараторила о каких-то пустяках, делая вид, что не понимает, зачем я наведалась к ним в дом. Об урожае жимолости, который собрала Алиса. Они перекрутили её с клубникой и бананом – получилось изумительно вкусно.

О новинке в ассортименте травяных сборов – вишнёво-кипрейном чае. Крайне полезен для сосудов. Находка Алисы. Какая же она талантливая девочка!

Она так и говорила – «девочка», словно её дочь всё ещё училась в младших классах. Звучало нездорово. Может, Елена сама виновата в исчезновении дочери? Может, она её мачеха и втайне ненавидела, завидовала её молодости и красоте? Нет, выходит сюжет Белоснежки. И потом, это серия исчезновений, а не единичный случай.

Я отключилась от её болтовни и окинула взглядом комнату. Она сплошь была увешана маленькими букетиками сушёных трав и холщовыми мешочками, все свободные поверхности были заставлены восковыми свечами и палочками благовоний. Если бы прямо с порога мать не начала талдычить про травяные сборы, я бы непременно решила, что забрела в спальню к деревенской ведунье. Со снимков, стоявших на полках высокого книжного шкафа, на меня смотрела красивая молодая девушка. Настолько красивая, что я невольно почувствовала обострение комплексов по поводу собственной внешности. Вообще-то я тоже ничего, но мне всегда казалось, что иметь вот такие густые льняные волосы в паре с бездонно синими глазами – форменное преступление. Отогнав сторонние мысли и поправив свой скромненький каштановый хвост, я повернулась к продолжавшей расхваливать вишнёво-кипрейный чай женщине:

– А кто это на снимках? Друзья Алисы?

Совместных снимков было не так много. Счастливая маленькая девочка с матерью на берегу реки. Улыбчивый подросток в обнимку с двумя такими же широко улыбающимися девчонками в коротких юбках. Смущённая девушка на руках у плечистого парня. Был ещё один снимок, запечатлевший пожилую женщину в изящном платье и с красивой причёской. «Наверное, бабушка» – решила я. Интересно, она тоже всё ещё жива и здравствует, как и остальные неубиваемые жители этой загадочной деревни?

– Да. Друзья, – чуть растерянно отозвалась женщина, – две её подруги – Катя и Кристина. А молодой человек – Денис. Они долгое время встречались…

Мне показалось, она расстроилась, что я больше интересовалась людьми, чем травяными сборами.

– Может, они что-то знают о её исчезновении, – подумала я вслух. И добавила про себя: «Уж с ними-то будет проще найти общий язык. Всё-таки мы примерно одного возраста».

– Исчезновении? – Елена оторвала взгляд от фотографий и посмотрела на меня так, будто я сморозила какую-то несусветную чушь. – Не думаю, что это можно назвать «исчезновением».

– Тогда как же это можно назвать? – меня начинало раздражать упорное нежелание называть вещи своими именами. Моей матери давно не было в живых, но мне сильно хотелось верить, что при подобных обстоятельствах она бы повела себя иначе.

Однако лёд тронулся. Мать Алисы больше не напоминала безоблачно невозмутимого зомби. Она опустила голову, сцепила пальцы и начала бормотать что-то несвязное своим ладоням:

– Да, конечно, со стороны может показаться… Но я-то знала, что так будет… От этого не легче, но всё же…

– Что вы знали? – я подалась вперёд, чтобы как следует расслышать её причитания.

Впрочем, Елена быстро взяла себя в руки. В прямом смысле. Она обвила руками плечи – не то ища поддержки, не то сдерживая внезапный порыв.

– Нет, я не должна об этом говорить…

– Не должны говорить о чём? – я приподняла брови. Если она что-то знает, то почему не рассказывает? Неужели кто-то запугал её?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.